

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

А. Л. Дмитриев

П. И. ГЕОРГИЕВСКИЙ КАК ОППОНЕНТ М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО*

Имя Павла Ивановича Георгиевского в настоящее время знакомо лишь узкому кругу специалистов по истории российской экономической мысли и истории статистики. Однако в дореволюционной экономической науке это имя звучало очень веско. Профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета на протяжении многих лет, автор нескольких фундаментальных работ по теории политической экономии, экономики железнодорожного транспорта и мировой хлебной торговли, П. И. Георгиевский был и известным статистиком, возглавляя Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел в 1911–1914 гг. и Статистический совет МВД в 1914–1917 гг. О жизни и научной деятельности П. И. Георгиевского нами опубликовано несколько работ¹. Тем не менее напомним основные вехи его деятельности.

П. И. Георгиевский родился 14 (26) января 1857 г. в Петербурге. Начальное образование получил в 3-й Санкт-Петербургской гимназии, окончив ее в 1875 г. с золотой медалью. В том же году он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. По окончании факультета в 1879 г. Георгиевский, по представлению своего учителя профессора Ю. Э. Янсона, был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию. В январе 1880 г. он был допущен к исполнению обязанностей консерватора при Статистическом кабинете Санкт-Петербургского университета². Эта работа сыграла большую роль в начале его научной деятельности. В предисловии к магистерской диссертации он напишет: «Почти весь материал, которым мы пользовались, взят нами из Статистического кабинета Санкт-Петербургского университета и из частной библиотеки профессора Ю. Э. Янсона, любезно разрешившего нам пользование его библиотекой»³.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 096-01-00289а.

Антон Леонидович ДМИТРИЕВ — канд. экон. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов (СПбГУЭФ) и кафедры экономической кибернетики СПбГУ. В 1993 г. окончил СПбГУЭФ. Сфера научных интересов — история отечественной и зарубежной экономической мысли, микроэкономический анализ. Автор более 180 научных и учебно-методических работ.

© А. Л. Дмитриев, 2008

В 1880 г. П. И. Георгиевского командировали за границу. Он слушал лекции и представлял доклады в семинариях у профессоров И. Конрада в Галле и А. Вагнера в Берлине. В течение двух семестров Георгиевский посещал лекции по статистике у Э. Энгеля в Берлине и демографии у Ж. Бертильона в Париже. Будучи за границей, Георгиевский основательно изучал организацию статистики в императорском и городских бюро Германии⁴.

Научная и педагогическая карьера П. И. Георгиевского складывалась стремительно. В 1882 г. в Санкт-Петербургском университете он сдал магистерский экзамен по политической экономии и в 1883 г. был избран преподавателем статистики. Магистерскую диссертацию под названием «Международная хлебная торговля» он защитил в 1885 г. и начал читать в качестве приват-доцента общий курс политической экономии в Университете. Уже через два года он защитил докторскую диссертацию «Финансовые отношения государства и частных железнодорожных обществ в России и в западноевропейских государствах»⁵. В следующем году он уже экстраординарный профессор, а в 1890 г. — ординарный профессор по кафедре политической экономии и статистики. Все это время к нему весьма благоволил Ю. Э. Янсон, на смерть которого в 1893 г. Георгиевский отозвался выступлением на торжественном заседании Русского общества охранения народного здоровья⁶. С 1883 г. началась практическая работа Георгиевского как статистика — в течение ряда лет он служил заведующим редакцией железнодорожной статистики в статистическом отделе Министерства путей сообщения.

Следует отметить и общественную деятельность П. И. Георгиевского. В 1898 г. он был избран в гласные Санкт-Петербургской городской думы — участвовал в училищной комиссии и комиссии для обсуждения вопросов эксплуатации конно-железных дорог, являлся депутатом от Думы в комитете Общества попечения о бедных и больных детях. Состоял он также в Обществе «Ясли», в Обществе призрения калек и др.

Из-под пера Георгиевского, кроме двух вышеуказанных диссертаций, вышли следующие работы: «Обесселение Франции» (СПб., 1884), «Исторический очерк развития путей сообщения» (СПб., 1893), «Положение железнодорожного хозяйства к 1896 г.» (СПб., 1896), «Финансовое положение русских железных дорог» (СПб., 1901) и др., а учебник «Политическая экономия» переиздавался четыре раза (4-е изд. — СПб., 1904).

П. И. Георгиевский всегда выступал против социалистических идей, которые в те годы были весьма популярны в студенческой аудитории. Видимо, из-за этого во время волнений 1905 г. студенты устроили ему настоящую забастовку: когда Георгиевский вошел в переполненную студентами аудиторию, то из толпы раздались крики: «Вон, вон! Не желаем слушать!». Георгиевский пытался возражать и требовал назначения третейского суда, но студенты криками заставили его уйти. После этого инцидента Георгиевский выступил с заявлением: «Сегодня в “Слове” помещен отчет о вчерашней сходке в университете. На ней постановлено просить совет об увольнении *профессоров-реакционеров* в числе 7. Значусь и я. Сегодня я обратился к г. ректору с просьбой уведомить лиц вчерашней сходки, что я желаю рассмотрения судом или особой комиссией выставленных против меня обвинений, так как я вовсе не реакционер. За свыше чем 25-летнюю службу по университету я не знаю за собою поступка, которого я должен был бы стыдиться, который боялся бы света. Пусть же выступят *мои обвинители* также открыто и не прячутся за спиной сходки студентов»⁷.

Согласно предложениям П. А. Столыпина, в России должно было быть образовано вневедомственное Главное управление имперской статистики при председателе Совета министров. Для организации такого управления Столыпиным и был приглашен

профессор П. И. Георгиевский, назначенный директором Центрального статистического комитета в 1911 г.

Посвящая все время новым обязанностям, Георгиевский вынужден был оставить преподавание как в Университете, так и в Морской академии, в Институте инженеров путей сообщения и на Статистических курсах МВД. Однако после трагической смерти П. А. Столыпина предложенная им реформа статистических органов была ограничена статистической частью Министерства внутренних дел⁸.

П. И. Георгиевский был избран почетным членом Королевского статистического общества в Лондоне, почетным членом Американского статистического общества в Бостоне, членом Международного статистического института. В 1912 г. его на 2 месяца командировали за границу с целью изучения устройства иностранных статистических бюро ввиду предстоящей реформы статистической части МВД.

П. И. Георгиевский был весьма близок ко двору. В мае 1913 г., по случаю 50-летнего юбилея Центрального статистического комитета МВД, он изготавливает на свои средства и преподносит наследнику престола «Статистику России в картинках» (18 раскрашенных графических изображений, каждое в виде круга — 1 аршин в диаметре, на вертящемся круглом, соответственного размера, столике). За такое подношение Георгиевский удостоился благодарности от императора⁹.

В 1913 г. в связи с 50-летием основания Центрального статистического комитета (1863) под редакцией и с предисловием Георгиевского выходит «Юбилейный сборник Центрального статистического комитета МВД», в котором рассматриваются основные этапы деятельности Комитета по развитию административной статистики.

В январе 1914 г. Георгиевский уходит с должности председателя Статистического комитета МВД (эту должность занимает Н. Н. Белявский) и назначается на должность председателя Статистического совета МВД, становится сенатором.

В январе 1914 г. П. И. Георгиевский был назначен председателем Межведомственного совещания по разработке плана подготовки работ по переписи. Главным образом именно им был выработан и проведен через Статистический совет, Совет министров, Государственную думу и Государственный совет проект «Положения о Второй переписи». Для работы Георгиевским были приглашены видные статистики того времени — А. А. Кауфман, И. И. Кауфман, В. В. Степанов, В. Т. Судейкин, А. А. Чупров, Г. Г. Швиттау. Проекты переписных листов рассылались И. И. Янжулу, А. Ф. Фортунатову, Н. А. Каблукову и др.

Несмотря на Февральскую революцию и серьезные перестановки в Кабинете министров, Георгиевский сохранил свой пост и продолжал работать. Однако летом он серьезно заболел, и врачи рекомендовали ему лечение на юге. В сентябре он уехал в Евпаторию, где его и застали октябрьские события, после которых в Петроград он уже не вернулся и проживал в Феодосии. В 1920 г., спасаясь от большевиков, Георгиевский выехал из Новороссийска на пароходе «Капуртало» в Константинополь, а затем поселился в Праге¹⁰. Вся его дальнейшая научная и педагогическая деятельность была связана с этим городом.

В 1922 г. Правлением Союза русских академических организаций за границей с разрешения Министерства иностранных дел и народного просвещения Чехословацкой Республики был открыт Русский юридический факультет в Праге. Преподавать статистику был приглашен профессор П. И. Георгиевский. Вместе с ним статистику преподавали доцент Д. Н. Иванцов и приват-доцент С. С. Кон¹¹.

В 1926 г. вышла статья Павла Ивановича, посвященная организации советской статистики¹². Кроме этого, Георгиевский выступал со статьями в чехословацких

статистических изданиях и с предложением Международному статистическому институту организовать статистику туризма.

В «Последних новостях», издававшихся П. Н. Милюковым, в номере от 2 апреля 1938 г. была помещена маленькая заметка: «Заслуженный ординарный профессор Петроградского университета сенатор Павел Иванович Георгиевский тихо скончался в Праге 25 марта и похоронен там же на Ольшанском кладбище 29 марта с. г., о чем извещает семья покойного».

В Российском государственном историческом архиве (Ф. 1624. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–5 об., машинопись) нами был обнаружен любопытный документ (без даты) — отзыв П. И. Георгиевского на ряд работ М. И. Туган-Барановского, который очень хотел занять кафедру политической экономии и статистики в Санкт-Петербургском университете после ухода П. И. Георгиевского в 1911 г. Будучи категорическим противником марксизма и социализма, Георгиевский увидел в фигуре Туган-Барановского «возмутителя спокойствия», чьи взгляды и лекции могут оказать отрицательное воздействие на студенческие умы. Творчество М. И. Туган-Барановского давно привлекало внимание ученых-экономистов и в настоящее время хорошо известно, чтобы останавливаться на изложении его идей. Изучению творческой деятельности Туган-Барановского посвящены десятки статей, несколько монографий и диссертаций, причем как в нашей стране, так и за рубежом¹³. Вследствие публикуемой ниже записки, несмотря на избрание Туган-Барановского Советом юридического факультета профессором кафедры политической экономии и статистики, Министерство народного просвещения не утвердило его в должности¹⁴. В результате профессорскую должность ему предоставил Санкт-Петербургский политехнический институт, который подчинялся не консервативному Министерству народного просвещения, а более либеральному Министерству торговли и промышленности.

Думается, что лучше всего предоставить слово оппоненту — Павлу Ивановичу Георгиевскому. При подготовке публикации были исправлены явные опечатки, что специально не оговаривается.

В Юридический факультет С.-Петербургского университета

Во исполнение возложенного на меня поручения имею честь представить отзыв о предложенном проф. Д. Д. Гриммом¹⁵ кандидате в профессора по кафедре политической экономии и статистики приват-доценте М. И. Туган-Барановском.

Сочинения его, кроме двух диссертаций на магистра и доктора («Промышленные кризисы» и «Русская фабрика в прошлом и настоящем»), суть следующие: 1) «Земельная реформа», 2) «Очерки из новейшей истории политической экономии и социологии», 3) «Теоретические основы марксизма», 4) «Современный социализм в своем историческом развитии» и 5) «Курс политической экономии».

До известной степени 2-я и вполне 3-я и 4-я работы посвящены изложению учения социализма. Правда, уже и первая работа может быть отнесена к той же категории, так как в ней предлагается экспроприация всех частновладельческих земель с таким расчетом, что «за каждым землевладельцем признается сохранить право неприкосновенности из своего владения 50 десятин земли» (с. 190), если при этой экспроприации «вычислять ценность имения не по его доходности, а по господствующей в настоящее время денежной цене земли, то при выкупе землевладельцы пострадают довольно значительно; при среднем доходе около 10 р. с десятины земля в Полтавской губернии продавалась в последние годы свыше 300 р. за десятину, а при проектируемом выкупе она будет расцениваться в 175 р.» (с. 197)¹⁶. Но эту работу еще можно отнести к числу скоропалительно составленных, а потому, может быть, и необдуманных памфлетов. Но о монографии «Современный социализм»¹⁷ сам автор говорит, что эта работа стоила ему значительного труда, а потому в ней следует

видеть изложение действительных продуманных взглядов автора. Если бы в ней заключалось объективное изложение учений социализма с справедливой критикой его, то можно было бы лишь приветствовать занятие кафедры в столичном университете по политической экономии лицом, весьма подробно исследовавшим социализм, проповедующим уничтожение основ современного социально-экономического и конституционного строя, но, к сожалению, г. Туган-Барановский так увлекся сам социализмом и коммунизмом, что утратил способность критического к нему отношения, а только восхваляет его и провозглашает, что «конечным общественным идеалом является коммунизм, для ближайшего же будущего — социализм, или, иначе говоря, известное сочетание социализма с коммунизмом» («Современный социализм», с. 167). Чем другим, как не чрезмерным увлечением, можно объяснить следующую фразу: «И хотя теория эксплуатации труда далеко не пользуется всеобщим признанием среди ученых, — больше того, почти единодушно отвергается всеми, кроме социалистов, — все же она является наиболее прочным достоянием общественной науки нашего времени. И лишь могущественная сила враждебных классовых интересов заставляет буржуазных ученых игнорировать ее» (с. 56). Теорию эксплуатации автор определяет так: «Иначе говоря, прибыль и земельная рента, вообще всякого рода нетрудовой доход, суть не что иное, как неоплаченный труд рабочего, грабеж рабочего собственником» (с. 60). Итак, почти единодушное (по словам самого автора) со стороны ученых отрицание верности этой теории «ограбления» не имеет никакого значения в глазах автора, не заставляет его призадуматься, да не ошибается ли он по адресу всех этих ученых, обвиненных в недобросовестности: «лишь могущественная сила враждебных классовых интересов (видите ли!) заставляет буржуазных ученых использовать эту теорию “ограбления” рабочего собственником». Неужели такое отношение к вопросу может называться «научным»? Имеют ли что общего с научностью следующие высказываемые автором пожелания: «Социализм — не царство мещанства, но единственное средство спасения человечества от этого царства. В этом и заключается высота и общеобязательность социалистического идеала» (с. 26–27). «Теория эксплуатации труда, лежащая в корне всего критического построения социализма, является лишним подтверждением того, что этические элементы насковзь пропитают теорию социализма. Именно поэтому социалистический идеал и следует признать неизбежным и обязательным логическим выводом нормального нравственного сознания» (с. 77). Итак, все несоциалисты, хотя бы все те ученые, которые «почти единодушно» отвергают теорию «ограбления» и строящийся на ней логический социалистический идеал, очевидно, или чуть идиоты и сумасшедшие, не способные прийти к «неизбежному и общеобязательному логическому выводу», или это суть люди «ненормального нравственного сознания». При такой строгости к другим, при таком огульном обвинении всех ученых и неученых, не принимающих теорию «ограбления», не пользуется ли, однако, сам автор и прибылью с капитала, и поземельной рентой, не участвует ли он в «ограблении»? Если бы ответ получился положительный, то к какой категории из вышеназванных или к какой новой следовало бы отнести самого автора?

Но вполне допускаем и возможность более благоприятного для автора ответа на вышепоставленный вопрос. Предположим, следовательно, что он сам в своей жизни строго придерживается требований, налагаемых на него тем социалистическим идеалом, который, по его словам, «следует признать неизбежным и обязательным логическим выводом нормального нравственного сознания». Посмотрим, можно ли его отнести к категории тех безобидных, самоотверженных гуманистов, которые отдавали все свое состояние и все свои силы мирной проповеди их идеалов и осуществлению безобидных учреждений, долженствовавших нравственно улучшить человека и приблизить наступление золотого века на земле.

Для ответа на этот вопрос необходимо привести ряд выдержек, чтобы автор сам ответил на него в форме, не допускающей никаких сомнений. «Несмотря на свое теоретическое осуждение планов будущего, марксисты не могут обойтись без них на практике. И это понятно, так как только планы будущего социального переустройства, которые живут в голове каждого социалиста, и делают последнего социалистом» (с. 131). «Книжка Беллами “Взгляд назад” (1888 г.) интересна в том отношении, что она дает в наглядной и ясной, весьма разработанной форме

практический план социалистического государства» (с. 155). «Смею утверждать, что книжка Беллами сослужила хорошую службу делу социализма и что его утопия, ничего утопического в обычном смысле этого слова в себе не заключающая, немало содействовала рассеянию предубеждений против социализма и росту социалистического влияния во всем мире» (с. 159). «Без всякого сомнения, область свободного коммунистического потребления должна чрезвычайно расшириться в социалистическом обществе — и упущение этого из виду составляет главный недостаток социалистических планов Пеккера и Беллами¹⁸. Не только воспитание и образование подрастающего поколения должны получить всецело коммунистический характер, но и те области общенародного потребления, в которых нет основания опасаться чрезмерного роста потребностей, должны основываться на коммунистических началах» (с. 167). В социалистическом обществе «не будет ни миллионеров, ни полководцев, ни государственных деятелей. Да, даже и последних не будет, ибо с падением современного хозяйственного строя падет и современное государство» (с. 27). «Экономические выгоды социалистической организации труда и потребления в пределах небольшой общины далеко не так велики, как это представляли себе ранние социалисты. Социалистическая организация хозяйства может развить все присущие ей громадные производительные силы лишь в том случае, если она возникает в крупных рамках современного хозяйства» (с. 225). «Федералистический социализм переносит центр тяжести социального устройства общества в отдельную общину. Напротив, централистический социализм, считающий возможным социалистический строй лишь в рамках государства, естественно должен относиться к политике совершенно иначе и выдвигать на первый план в деле осуществления социализма законодательную деятельность государства» (с. 227). «Утопический социализм... оказался неспособным создать сколько-нибудь разумную, целесообразную социалистическую тактику; это и лишило его практического значения. Тактика современного социализма создалась не учеными теоретиками, а самой жизнью. Первым провозвестником этой новой тактики в широких размерах явилось могущественное движение английского пролетариата 30–40-х годов — чартизм. (Вноска: Еще значительно ранее чартистов Бабеф¹⁹ и его сторонники ясно поняли необходимость политического переворота, захвата власти социализмом как средства осуществления социалистического строя (с. 230)). Это было первое чисто классовое пролетарское движение, ясно сознававшее, что для экономического освобождения рабочего класса требуется завоевание им политической власти. Чартисты не боялись революции, а видели в ней единственное спасение для подавленного народа» (с. 231). «Социалистическая теория долгое время оставалась враждебной чартистской тактике. И только после Луи Блана²⁰ среди социалистов континентальной Европы распространяется убеждение, что социальные эксперименты не могут разрешить социального вопроса, что социализм победит не любовью, а политикой и социальной борьбой» (с. 232). «Вместо того чтобы основывать фаланстеры, парижский пролетариат опрокинул трон своего короля и завладел на короткое время политической властью. Новая тактика социализма получила гениальное теоретическое выражение и обоснование в “Коммунистическом манифесте”. И только “Коммунистический манифест” дал социализму все, что ему недоставало: разумную, целесообразную тактику, ясное понимание тех средств, способов и ближайших целей, какими может быть достигнута конечная цель социализма».

«В “Коммунистическом манифесте” этот путь указан с поразительной ясностью, в выражениях пластической образности и простоты» (с. 234). «Цели социализма могут быть достигнуты лишь путем классовой борьбы за свои интересы того общественного класса, на который обрушивается вся тяжесть капиталистической системы... Не всякая классовая борьба есть политическая борьба, так как государство является органом классового господства, и единственным средством для угнетенного класса свергнуть с себя господство является овладение государственной властью. В прежние времена политические революции приводили к тому, что господство одного класса заменялось господством другого класса... Пролетарская революция должна иметь другой характер: пролетариат образует собою огромное большинство населения, нищий класс общества, который не может подняться, не опрокинув

всю лежащую на нем классовую надстройку... Непосредственной задачей социалистического движения является овладение пролетариатом политической властью: достигнув этого, пролетариат воспользуется властью для передачи в руки государства, т. е. самого же организованного пролетариата, всех средств производства, принадлежащих ныне имущим классам. Такова конечная цель партии пролетариата во всех странах, совершенно независимо от исторических и национальных особенностей каждой отдельной страны» (с. 235). «"Пролетарии всех стран — соединяйтесь" — этими словами заканчивается "Коммунистический манифест". Социалистическому движению были указаны определенные ближайшие цели, и оно пошло по указанному пути, переходя от одной победы к другой, развиваясь и разрастаясь, сливаясь во все более могучий неустойчивый мировой исторический поток»...

В просвещенной Германии, по культурному развитию населения стоящей много выше России, при автономии университетов, социал-демократы не допускаются до занятия университетских кафедр, и не только кафедр наук экономических и политических, но даже, например, и чисто математических. В самом деле, разве не странно было бы со стороны государственной власти поручать просвещение молодого поколения лицам, проповедующим уничтожение того самого государства, на службе которого они состоят, которому добросовестно служить они присягают, от которого получают содержание. Полагал бы справедливым в указанном отношении и в России держаться тех же правил, каких держится Германия, и потому не только с точки зрения чисто научной, но по силе простой здравой логики полагал бы, что г. Туган-Барановский не является подходящим кандидатом для занятия кафедры политической экономии в Санкт-Петербургском университете.

В течение всей моей ученой и преподавательской деятельности, т. е. более 30 лет, я всегда печатным и устным словом посильно ратовал против социализма как ненаучного и опасного верования, и непосредственно и недостойно было мне молчать теперь, в конце моей жизни, когда надвигается возможность замены кафедры НАУКИ политической экономии кафедрой ПРОПОВЕДИ социализма, в числе противников которого я могу назвать такие имена, как Тэна, Леруа-Белье, Спенсера, Кона, Бунге, Бургэна, Ле-Бена и, наконец, едва ли не самых видных ученых-экономистов — А. Вагнера и А. Шеффле, отзывы коих о социализме мною выше были приведены.

Я не шел ни на какие компромиссы с социализмом. Когда, после выслуги мною 30 лет, г. Туган-Барановский спросил меня, как бы я отнесся к занятию им кафедры после меня, я прямо ответил, что предпочел бы видеть моим преемником по кафедре не социалиста. Далее, несколько лет тому назад г. Туган-Барановский обратился ко мне с предложением, чтобы я (не содействовал а) только не препятствовал проведению его в профессора, а он, со своей стороны, предлагал прекратить чтение конкурентного со мною курса и давал слово не возобновлять его, пока я буду читать общий курс политической экономии. Верность этого факта может подтвердить проф. И. А. Покровский.

Отравление учащейся молодежи социалистическими фантазиями, подносимыми им под видом положительной науки с университетской кафедры, может иметь для этой молодежи, а в лице нескольких поколений ее — для целого государства самые печальные последствия, предупредить которые, по мере сил, я считаю своим нравственным долгом. Наконец, откровенно высказать мое мнение о выставленном кандидате я должен был и потому, чтобы впоследствии, если бы наступили обстоятельства, неожиданные и не желательные для членов факультета, никто из них не мог сказать: «профессор по кафедре политической экономии ввел нас, неспециалистов, в заблуждение, не ознакомил нас, неспециалистов, с взглядами, проводимыми г. Туган-Барановским в его сочинениях, скрыл от нас, что он из себя представляет». Теперь я выполнил свой долг, и пусть факультет решает.

¹ Дмитриев А. Л. 1) Во главе Центрального статистического комитета: Павел Иванович Георгиевский // Вопросы статистики. 1997. № 10; 2) Павел Иванович Георгиевский // Корицкий Э. Б., Нинцева Г. В., Дмитриев А. Л., Шетов В. Х. Экономисты русской эмиграции. СПб., 2000.

² Подробнее об этом см.: Дмитриев А. Л. Судьба Статистического кабинета Санкт-Петербургского университета // Вопросы статистики. 1995. № 11.

- ³ *Георгиевский П. И.* Международная хлебная торговля. СПб., 1885. Вып. 1. С. 3.
- ⁴ Павел Иванович Георгиевский // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета. 1869–1894. СПб., 1895. С. 181.
- ⁵ *Георгиевский П. И.* Финансовые отношения государства и частных железнодорожных обществ в России и в западноевропейских государствах. СПб., 1887.
- ⁶ *Георгиевский П. И.* Профессор Юлий Эдуардович Янсон как ученый и как общественный деятель // Журнал Русского общества охранения народного здоровья. 1893. Кн. 4.
- ⁷ Студенты и профессора // День. [Москва]. 1905. 20 сент. С. 3–4.
- ⁸ Дело о службе сенатора П. И. Георгиевского // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 544. Д. 2871. Л. 5.
- ⁹ Там же. Л. 4 об.
- ¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5982. Оп. 1. Д. 51. Л. 40 об.
- ¹¹ Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1923/24 уч. год. Прага, 1925. С. 13.
- ¹² *Georgievsky P.* Statistique de l'Union des Republiques socialistes sovietiques // Journal des economistes. 1926, avril.
- ¹³ См., напр.: *Кондратьев Н. Д.* Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923; *Nové A. M. I.* Tugan-Baranovsky // History of Political Economy. 1970. N 2; *Горкина Л. П. М. И.* Туган-Барановский в економічній теорії та історії. Київ, 2001.
- ¹⁴ *Туган-Барановский Д. М. М. И.* Туган-Барановский. Биографический очерк // Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1997. С. 49. — По мнению Д. М. Туган-Барановского, который называет записку Георгиевского доносом, конфликт был спровоцирован тем обстоятельством, что, читая параллельные курсы политической экономии, Михаил Иванович имел больший успех у студентов, и его доходы были значительно выше доходов Георгиевского. Возможно, такая обида и была, но, по нашему мнению, вопрос все же находился в плоскости сугубо идеологических расхождений.
- ¹⁵ Гримм Давид Давидович (1864–1941), профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета, специалист в области римского права.
- ¹⁶ Речь идет об издании: *Туган-Барановский Мих.* Земельная реформа. Очерк движения в пользу земельной реформы и практические выводы. СПб., 1905.
- ¹⁷ Цитаты даются Георгиевским, видимо, по изданию: *Туган-Барановский Мих.* Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906.
- ¹⁸ Беллами Эдуард (1850–1898) — американский писатель-утопист; Пеккёр Константен (1801–1887) — французский социалист, сторонник сен-симонизма.
- ¹⁹ Бабеф Франсуа-Ноэль (1760–1797) — французский политический деятель и писатель.
- ²⁰ Блан Луи (1811–1882) — французский историк и политический деятель.

Статья поступила в редакцию 29 ноября 2007 г.